

Роман Красильников

Лирический герой

2024

The illustration depicts a man in a dark coat and hat standing on a wooden balcony or landing. A red laptop is open on a table in front of him. The scene is set in a room with stone walls and a staircase leading down. A white cloth is draped over the stairs. The overall style is a detailed, textured drawing with a muted color palette.

Роман Красильников Лирический герой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70610926

SelfPub; 2024

Аннотация

Посмотри наверх. Там нет ничего, что могло бы проявить к тебе сочувствие. Хаотичный рассказ, несущий ничего, кроме зарисовки случайно взятого человека из случайного города.

Роман Красильников

Лирический герой

Лирический герой

Дверь подъезда не запиралась с двадцатых годов прошлого века. Дверной проем разохся, сузился. Его подъели короеды. Покрыт он был коричневой краской, которая выделяет шрамы. В нос бьют сырость, запах мочи и мусора.

В дом зашел человек. Он переступил изуродованный порог. Вчера вечером через него переносили гроб – очередной старик. Жалко. На середине пути гроб уронили. На пороге осталась вмятина. Слезла оставшаяся краска. Обидно.

В дом зашел человек. Придерживая цилиндр, он согнулся, протискиваясь в дверной проем. Прихрамывая на правую ногу, мужчина поднимался по лестнице. Каждая ступенька давалась ему тяжело – касаясь грязного пятнистого цемента, мужчина сразу же отдергивал ногу, словно наступал на раскаленные угли. Он держался за перила крепко – пальцы белели.

В дом зашел человек. В руках у него большой чемодан в наклейках – флаги стран, герои комиксов, мультиков. Чемодан изношен, местами потерт. Бегунки молнии неумело за-

тянуты скрепкой, чтобы не разошлись в стороны. Чемодан толстый, ленивый, явно тянувший человека вниз.

Сам же мужчина был в глянцевом фраке. Под мышкой трость. Галстук, завязанный узлом на узкой шее. На лице скромная улыбка. Он поднимался по винтовой лестнице. Вот уже второй этаж – мужчина остановился, поставил чемодан и постучал железным набалдашником трости в дверь. Послышалось шарканье мягких тапочек по старому паркету.

– Кто там? – нервный голосок старушки донесся из замочной скважины.

– Это я, Клавдий, – почтительно сняв цилиндр, мужчина поклонился глазку двери. – Как ваш день, Варвара Изяславовна?

– А, ты. Чего хотел? Денег не дам! Пенсия только на следующей неделе. Топай давай, куда топал. Давай, давай.

Варвара Изяславовна говорила будто себе, чтобы побыстрее уйти от двери и не слышать попрошайку.

– Варвара Изяславовна, я не за деньгами пришел! Наоборот – принес вам долг. И что же, не могу узнать у своей спасительницы, как ее день прошел? Эй, Варвара Изяславовна? Вы там?

Но человек слышал только свой голос, улетающий вверх по лестнице. Ничего не осталось, как просунуть в почтовую щель деньги, скрепленные резинкой.

После третьего этажа человек уже не хромал, шел уверенно. Винтовая лестница девятнадцатого века. Большие сту-

пеньки, изящные перила. Дойдя до своей двери – единственной на последнем этаже – мужчина стал хлопать по карманам. Здесь не пахло отходами. Небольшое окошко на уровне колен было разбито, из него тянуло свежим майским вечером. Фрак пуст. Человек опустился на колено и открыл чемодан. Разбрасывая вещи по площадке, он искал ключи. Тяжелая связка, еле помещавшаяся в руке, после которой ладонь пахнет кислым железом.

«Потерялись ключи! Большая связка! 5... 10... 30 ключей! Кто найдет – тому приз! Телефон:...»

Забавно.

– Да, забавно. – съязвил мужчина.

Он равнодушно закрыл чемодан и сел на него, продавив. Из внутреннего кармана он достал портсигар. Хотел закурить, но вместо сигарет оказались бабочки. Они порхнули крыльями и закружились у лица Клавдия. Он улыбнулся, но печально. Сигарета осталась одна.

Днем Клавдий выступал у метро, на проспекте, где сейчас ходят молодые в майках и шортах. Солнечные очки напялены на их носы. Шелковистые волосы растрепаны от ветра. Они безмятежные, они веселые. Греются, ящерицы. Вокруг Клавдия собрался народец. Хорошая публика – скучающая публика.

– Все, все, все! Смотрите! Але-е... оп!

Фокусник. Клавдий был фокусником. Ему аплодировали все, и мал, и стар. Спрятавшись в тени, он показывал всем

знакомые трюки, но брал зрителя своей наивностью и хромотой. Кстати, он не хромал. Кстати, он не Клавдий. Клавдий это его брат, он сейчас спит в выжженном спиртом воздухе за черной дверью. Кстати гроб, который уронили вчера, тоже был черный.

Фокусника звали Фома, Фома Селиванов. Мальчишка по природе. Сухое лицо добавляло ему десяток лет. Фома курил, очень много курил сигарет и разных – от петровского табака, взятого у бездомного на блошином рынке, до настоящих листьев, скрученные на совесть. У его ног сейчас лежали разноцветные платки, связанные за кончики; усталые белые голубки; бумажки; часы, браслеты, деньги. Честно заработанные деньги! Все-таки человеком Фома Селиванов был из культурного города. Шмотье, наволочка, тонкая подушка, плед. Билеты на ушедший поезд, купленные с первого выступления. Фома Селиванов. Фокусник. Взывший имя брата-близнеца.

Табачный дым клубился под потолком. Как бы не сгнить Фоме на винтовой. Не упасть в пропасть лестничного пролета. Кто махал тебе из открытого окна? Сам-то помнишь личико красы? Чего ж ты держишь душу в теле?

Потухла сигарета. По ногам бил прохладный воздух. Фокусник опустил голову – заснул мальчишка. Прикрыл смиренно глаза. А на лице улыбка, его невинная улыбка, дарящая свет в потемках этажа. На первом этаже раздался плач – вернулась процессия соседей. Все в черном. С ними дети

с мягкой кожей. Они молчат, не спят, не дремлют – бдят в старом доме, слушают, понимают, что завтра вновь остановятся колеса у их подъезда. Но приедут не за Фомой Селивановым. Приедут за другим. Фоме нужно купить билет, ему нужно выступить.

Потому что он хочет быть фокусником, даже если есть только вариант быть фокусником на проспекте. Поспи, мальчишка. Отдохни, старик. А завтра светись, Фома. Светись улыбкой жизни в этом мраке.